

М. В. ГОРДИНА

К ВОПРОСУ О ФОНЕМЕ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ
(На основании экспериментального исследования гласных)

Вопрос о фонеме в языках слогового строя был впервые наиболее подробно разобран на материале китайского языка Е. Д. Поливановым¹. Исходя из того, что в китайском языке морфологическая граница почти всегда совпадает со слоговыми границами, Е. Д. Поливанов возражал против отождествления звуков — элементов слога китайского языка с фонемами европейских и предложил для китайского слога термин «силлабема». Позднее А. А. Драгунов также отмечал, что в таких языках, где морфологическая делимость не идет дальше слога, как, например, в китайском, дунганском, категории фонемы соответствует «слоγο-фонема»². Эти высказывания не получили, однако, дальнейшего развития в трудах А. А. Драгунова. Позднее он не проводил достаточно четкого различия между терминами «отдельный звук речи» и «фонема», в связи с чем отношение между фонемой и структурными элементами китайского слога, каждый из которых представляет отдельный звук речи, остается неясным³.

Исследователи вьетнамского языка Ле Ван Ли, М. Эмено и А. Одрикур, которые считают фонемный строй обязательным для любого языка, даже не ставят вопроса об уместности термина «фонема» в применении к вьетнамскому языку⁴. Состав фонем вьетнамского языка выясняется ими на основании сопоставления квази-омонимов и определения зависимости звуков от фонетического положения.

Однако как относительно инвентаря фонем вьетнамского языка, так и относительно фонемного состава слов существуют серьезные расхождения. Характерно, что споры эти касаются звуков, входящих в акцентлируемую (несущую на себе тон) часть слога, т. е. гласных и конечных согласных⁵. Расхождения в определении начальных согласных при этом вызываются диалектными различиями и ненормализованностью произношения; различная же трактовка гласных и конечных согласных является результатом интерпретации одних и тех же фактов разными учеными.

Так, в системе вьетнамских гласных Ле Ван Ли и М. Эмено усматривают девять долгих фонем — [i, e, ε, a, ɔ, o, u, ɤ, ɯ] и две краткие — [ä] и [ʌ], соответствующие долгим [a] и [ɤ]: краткие гласные не могут употребляться в исходе слога. При этом конечные согласные [ŋ] и [ŋ], перед первым из которых возможны лишь краткие гласные, так же как и соответствующие им глухие [h] и [k], рассматриваются как разные фонемы. Некоторое несогласие между Ле Ван Ли и Эмено существует

¹ См. А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930.

² См., например, А. и Е. Драгуновы, Дунганский язык, «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», VI, М.—Л., 1937, стр. 120.

³ См. А. А. Драгунов и Е. Д. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке, «Сов. востоковедение», 1955, № 1.

⁴ См. M. Lê Văn Ly, Le parler vietnamien (Essai d'une grammaire vietnamienne), Paris, б. г.; M. B. Emeneau, Studies in Vietnamese (Annamese) grammar, Berkeley — Los Angeles, 1951; A. G. Haudricourt, Les voyelles brèves du vietnamien, BSLP, t. 48, fasc. 1, 1952.

⁵ О выделении акцентлируемой части слога см.: П. Д. Андреев, М. В. Гордина, Система тонов вьетнамского языка, «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 143.

в вопросе о фонематической интерпретации конкретных слов. В словах *tanh* «кусок» и *tanhg* «росток бамбука», по мнению Ле Ван Ли, гласные различаются по долготе, а согласные — по качеству: [tanh — tãh]; М. Эсно считает, что здесь и гласные и согласные различны по качеству: [tanh — tãh]¹.

А. Одрикур, анализируя распределение конечных согласных относительно гласных, приходит к выводу, что [ŋ] и [ŋ̄] надо рассматривать как варианты одной фонемы, встречающиеся соответственно после гласных переднего и заднего ряда. Следовательно, в приведенном примере различение основано лишь на качестве гласных: [tãhŋ — tãhŋ̄].

Объединение звучаний [ŋ] и [ŋ̄] в одну фонему, по А. Одрикуру, приводит к выделению еще четырех кратких гласных во вьетнамском языке — [è, ê, ô, õ], противопоставляющихся соответствующим долгим². Решая вопрос об интерпретации долгих и кратких гласных, Одрикур, как и его предшественники, ограничивается установлением независимости качества гласного от места образования согласного. Между тем в таких парах, как *tam* «три» и *tam* «зубочистка», отчетливо различны по длительности не только гласные, но и согласные, что связано с законом постоянства длительности тона во вьетнамском независимо от состава слога³.

Исследуя произношение отдельных слов-словосочетаний вьетнамского языка двумя дикторами, носителями северного диалекта, принятого за основу для литературной нормы, мы приводим данные анализа кимографических записей в таблицах на стр. 105—106⁴.

Как видно из таблиц, часть слога, следующая после начального согласного, имеет постоянную длительность, независимую от количества и качества составляющих ее элементов. Сокращение гласных в определенных позициях здесь всегда компенсируется удлинением конечного согласного.

Данные обоих дикторов совпадают. Исключение представляет звуко-сочетание *âm*, которое диктором Д. произносится с несколько более долгим *â*, что, впрочем, нисколько не нарушает общей закономерности, потому что долгота гласного сопровождается здесь соответствующим сокращением конечного согласного. В то же время удлинение *â* в *âm* не настолько велико, чтобы привести к совпадению с *am*. Поэтому независимо от того, рассматривать ли пары конечных согласных [ŋ — ŋ̄, h — k] как пары разных фонем или как пары оттенков одной фонемы, долгий гласный в силу особенностей строя вьетнамского языка никогда не может оказаться в положении краткого гласного, и наоборот. За долгим гласным во вьетнамском языке всегда следует краткий согласный, за кратким гласным — долгий. Кроме того, долгий гласный характеризуется слабым примыканием последующего согласного, краткий — сильным примыканием его; в связи с этим даже в случае совпадения долгого и краткого гласных по абсолютной длительности различие сохраняется. Различение слогов *tam* и *tãm* можно относить на счет как гласного, так и согласного; эти слоги противопоставляются друг другу по характеру своей второй части в целом и по этому же признаку они противопоставляются слогам типа *ta*.

Отдельный звук вне слога не имеет во вьетнамском языке своей постоянной длительности; количественная характеристика звука связана с местом его среди совокупности элементов, составляющих слог. Слог же,

¹ См., М. Lê Văn Ly, указ. соч., стр. 39—40; М. В. Емелева, указ. соч., стр. 9—24.

² См. А. G. Haudricourt, указ. соч., стр. 93.

³ О постоянстве длительности тона см.: Н. Д. Андреев, М. В. Гордина, указ. соч., стр. 145.

⁴ Слоги с конечными [ç, ʃ] требуют специального исследования с более сложной методикой. Отдельные полученные нами данные и слуховые наблюдения над произношением таких слогов полностью согласуются с приводимыми в таблицах сведениями. Длительность акцентированной части слога и ее элементов в таблицах указана в сотых долях секунды.

Таблица 1

(диктор Н.)

Примеры	Тоны					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
<i>a</i> [a:]	39,5	46,0	32,2	52,5	40,3	25,8
<i>am</i> [am]	40,1	42,7	35,1	47,1	35,8	24,6
<i>a</i> [a]	27,4	27,8	26,1	27,6	24,3	17,8
<i>m</i> [m]	12,7	14,9	9,0	19,5	11,5	6,8
<i>ang</i> [aŋ]	41,7	46,5	34,4	50,6	35,3	23,0
<i>a</i> [a]	26,3	28,2	23,2	26,9	22,2	16,3
<i>ng</i> [ŋ]	15,4	18,3	11,2	23,7	13,1	6,7
<i>ãm</i> [ãm:]	33,0	41,0	32,2	44,9	31,1	21,0
<i>ã</i> [ã]	10,0	11,4	9,2	13,9	10,2	10,0
<i>m</i> [m:]	23,0	29,6	23,0	31,0	20,9	11,0
<i>ãng</i> [ãŋ:]	34,0	41,3	31,6	45,4	31,6	16,1
<i>ã</i> [ã]	8,6	9,2	8,6	10,7	8,7	7,9
<i>ng</i> [ŋ:]	25,4	32,1	23,0	34,7	22,9	8,2
<i>i</i> [i:]	36,8	44,4	32,2	47,0	38,6	27,8
<i>in</i> [in]	36,7	43,6	33,6	48,8	32,2	19,0
<i>i</i> [i]	19,7	20,7	21,2	22,8	19,6	13,3
<i>n</i> [n]	17,0	22,9	12,4	26,0	12,6	5,7
<i>inh</i> [iɲ:]	33,8	44,2	30,1	50,6	32,0	17,7
<i>i</i> [i]	9,1	9,6	8,4	11,6	8,2	9,0
<i>nh</i> [ɲ:]	24,7	34,6	22,7	39,0	23,8	8,7
<i>âm</i> [âm:]	32,0	37,9	28,3	44,1	27,6	16,5
<i>â</i> [â]	9,9	11,7	8,0	10,5	9,9	8,5
<i>m</i> [m:]	22,1	26,2	20,3	33,6	17,7	8,0

Таблица 2

(диктор Д.)

Примеры	Тоны					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
<i>a</i> [a:]	37,4	42,7	38,1	40,5	36,7	29,5
<i>am</i> [am]	39,4	41,5	39,7	44,0	35,6	30,8
<i>a</i> [a]	24,8	24,7	24,2	26,3	22,3	23,0
<i>m</i> [m]	14,6	16,8	15,5	17,7	13,3	7,8
<i>ang</i> [aŋ]	40,7	39,1	36,6	39,3	37,2	29,2
<i>a</i> [a]	26,5	25,8	25,9	27,7	25,3	22,3
<i>ng</i> [ŋ]	14,2	13,3	10,7	11,6	11,9	6,9
<i>ãm</i> [ãm:]	32,7	39,5	35,1	38,4	34,5	27,3
<i>ã</i> [ã]	16,4	17,5	19,3	17,8	16,5	17,6
<i>m</i> [m:]	16,3	22,0	15,8	20,6	18,0	9,7
<i>ãng</i> [ãŋ:]	30,7	36,3	32,8	36,4	34,3	21,7
<i>ã</i> [ã]	12,2	12,7	13,7	13,1	12,2	12,2
<i>ng</i> [ŋ:]	18,5	23,6	19,1	23,3	22,1	9,5
<i>i</i> [i:]	36,6	40,4	36,2	40,7	36,3	23,4
<i>in</i> [in]	33,7	37,4	34,1	40,2	34,2	24,9
<i>i</i> [i:]	19,5	21,8	20,2	20,5	20,5	17,7
<i>n</i> [n]	14,2	16,6	13,9	19,7	13,7	7,2
<i>inh</i> [iɲ:]	37,5	39,9	33,3	37,9	30,1	21,0
<i>i</i> [i]	14,2	14,3	12,9	14,5	12,1	12,7
<i>nh</i> [ɲ:]	23,3	25,6	20,4	23,4	18,0	8,3
<i>âm</i> [âm:]	34,7	37,5	34,2	40,2	31,7	24,4
<i>â</i> [â]	13,2	13,4	14,5	12,8	12,0	13,7
<i>m</i> [m:]	21,5	24,1	19,7	27,4	19,7	10,7

в противоположность звуку, имеет свою постоянную фонетическую характеристику: свою длительность и определенный тон, который связывает все элементы слога (кроме начального согласного) в единое целое.

Таблица 3

(диктор Н.)

Примеры	Тоны	
	5-й	6-й
<i>oat</i> [ɔat]	45,8	47,8
<i>oa</i> [ɔa]	22,2	21,6
<i>t</i>	23,6	26,2
<i>uāt</i> [u ^h āt]	43,8	41,4
<i>uā</i> [uā]	12,2	13,2
<i>t</i>	31,6	28,2
<i>at</i> [at]	45,6	45,8
<i>a</i>	20,4	21,2
<i>t</i>	25,2	24,6
<i>oāt</i> [pāt]	44,5	—
<i>oā</i> [pā]	13,7	—
<i>t</i>	38,8	—

Длительность конечного согласного при этом определяется еще и тоном: удлинение или сокращение слога происходит в основном за счет второй его части, чаще всего — конечного согласного, хотя может в некоторой мере сказываться и на длительности гласного (ср., к примеру, акцентуемые части слогов в тонах 4-м, 5-м, 6-м). Надо сказать, что слоги с конечными глухими не составляют исключения. Конечные согласные здесь всегда имеют звонкую имплозию и озвонченные первые моменты выдержки, причем именно на это время приходится характерный участок мелодики 6-го тона. Итак, различие разных типов конечных согласных (ибо глухая выдержка имплозивного согласного есть акустический нуль) и их восприятие обеспечиваются в акцентуемой части слога.

Длительность же выдержки подчинена закону постоянства длительности слога (табл. 3).

Следовательно, слоги *ta*, *tam*, *tam*, *tāt*, *tāt* делятся не на части $t + a + m$, $t + a + m$, $t + ā + t$, $t + ā + t$, а могут быть разделены лишь на $t + a$, $t + am$, $t + ām$, $t + āt$, $t + āt$. В то же время не может быть ни малейшего сомнения в том, что разные звуки вьетнамского языка играют словоразличительную роль. Совершенно очевидно, что различие слов *ta* «мы» и *to* «большой», *tan* «разрушаться», *tên* «имя» и *tam* «три» связано с разницей между *a* и *o*, *a* и *ê*, *n* и *m* и т. д.; что различие между *tāt* «черпать» и *tāt* «гасить» существенно, а в произношении слова *it* «мало» как [it^h] и [it^h] несущественно.

Именно с точки зрения словоразличительной функции вьетнамских звуков подходили к вопросу фонеме во вьетнамском языке Ле Ван Ли, Эмено и Одрикур, основывая все свои рассуждения на парных противоположениях. При этом конечные согласные слогов отождествлялись с соответствующими начальными как их варианты. Как показывает экспериментальное исследование, такое отождествление неверно: начальные и конечные согласные играют разную роль в слоге с точки зрения их отношения к тону и к характеристике слога по длительности. Неудивительно поэтому, что сами вьетнамцы не отождествляют конечных и начальных согласных в таких словах, как *mí't*, *nān* и т. п. При обучении грамоте приходится учитывать это обстоятельство и, выделяя начальный согласный, вторую часть слога представлять как некое целое (совершенно безразлично, записывается ли данная единица одной буквой или буквосочетанием)¹.

Звуковые различия второй части слога не являются самостоятельными и воспринимаются как признак слога. С этой точки зрения конечный согласный должен оцениваться не как самостоятельная единица, а как особый способ завершения гласного. Действительно, и в литературном языке, и в диалектах возможна, например, почти полная вокализация конечного носового, особенно после долгих гласных, но иногда и при кратких (что в значительной мере затрудняет чтение кимографических кривых). Краткие гласные потому и не употребляются в исходе слога, что сами по себе они не обеспечивают полноты фонетической характеристики слога.

¹ Эти сведения были мне любезно сообщены преподавателем вьетнамского языка в ЛГУ тов. Нгуен Тай Каном, которому, пользуясь случаем, выражаю благодарность.

Таким образом, роль, которую играют отдельные звуки речи во вьетнамском языке, весьма своеобразна. Служа целям словоразличения, отдельный звук в то же время лишен автономности и выступает как элемент слога (этому не противоречит то обстоятельство, что в частных случаях

слово-слог может состоять из одного звука: *o'* «жить, пребывать в», *ư* «мысль, мнение» и т. д.). Тем самым функция отдельного звука речи во вьетнамском языке существенно отличается от функции звука речи (фонемы) в тех языках, на основе которых была создана фонематическая теория.

Для того чтобы выяснить причины такого различия в функциях, выполняемых отдельным звуком речи во вьетнамском и, например, русском языках, необходимо обратиться к вопросу о принципах выделения фонемы. Согласно принятому в структуральной лингвистике определению фонемы как словоразличительной единицы противоположения, для доказательства самостоятельности звука как фонемы достаточно найти пары квазиомонимов или независимые фонетические положения типа *дам-дом-дол-том*. Такая методика наталкивается, однако, на серьезные затруднения, когда речь идет о фонологической интерпретации сложных звуков, например дифтонгов или аффрикат, где возможно провести фонетическую границу между элементами и, следовательно, рассматривать, например, немецкие или английские *[ai, au]* как сочетание двух фонем. Для решения вопроса об интерпретации таких звуковых единиц приходится прибегать к другой методике¹, в чем есть известная непоследовательность; собственно же фонологическое (структуральное) рассмотрение оставляет вопрос открытым². Между тем монофонематичность немецких дифтонгов является общепризнанным фактом.

Совершенно иначе ставится вопрос о выделении фонемы Л. В. Щербой. С его точки зрения, изложенной уже в «Русских гласных», основание для фонетического членения заложено в морфологии: «элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так, *л* в словах *пил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени, *а* в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта, *и* в словах *корову, воду* — с представлением объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность»³. Идеи Л. В. Щербы развиты Л. Р. Зиндером. Важнейшим основанием для выделения фонемы как некоей лингвистической категории является возможность найти проходящую между звуками морфологическую границу. Возможность провести эту границу перед *а* в словах *оса, вата*, после *а* в словах *стоять, слышать* позволяет нам разделить и слово *сад*, где *[s, a, t]* не наделены самостоятельным смыслом. Благодаря этому звуки речи получают автономность, создавая особую лингвистическую категорию — фонему, отличную от морфемы⁴.

Применение этих идей Л. В. Щербы к материалу китайского языка позволило Е. Д. Поливанову и А. А. Драгунову отрицать существование фонемы в этом языке. Причины своеобразного положения звуков речи во вьетнамском следует искать в особенностях его морфологического строя. Вьетнамский язык принадлежит к языкам слогового строя, где, как это принято считать, границы морфемы, слова и слога совпадают. Правда, во вьетнамском возможны своего рода чередования гласных в удвоениях, например: *mít mít* «улыбаться» (*mít* «улыбаться»); *mót mót* «беззубый на вид» (*mót* «беззубый»); *còi kòi* «скрипеть, по-

¹ См. N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, TCLP, 7, 1939, стр. 50.

² Критические замечания к вышеуказанной работе Н. С. Трубецкого см.: A. Martinet, Un ou deux phonèmes?, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 2, Copenhagen, 1939.

³ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 6—7.

⁴ См. Л. Р. Зиндер, Общая фонетика. Докт. диссерт., [Л.], 1954, стр. 60—67.

скрипывать» (*kết* «скрипеть»). Возможны также чередования копечных согласных: *kèn kết* «скрипеть»; *hèm hẹp* «узковатый» (*hẹp* «узкий»); *bo'n bốt* «слегка уменьшать» (*bốt* «уменьшать»).

На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с явлением, близким к внутренней флексии, однако в действительности это не так. Сущность внутренней флексии заключается в семантизации данного чередования. Во вьетнамском же важно не наличие чередования, а удвоение корня. В тех типах удвоений, о которых идет речь, закономерно соотносятся гласные того же подъема, но противоположного ряда: *i — u*, *ê — ô*, *e — o*, или же согласные носовые и носовые, образованные одним и тем же действующим органом: *p — m*, *t — n* и т. д.¹ Семантизованным оказывается удвоение в целом, а не тот или иной его фонетический тип и не та или иная часть повторяемого слога.

Единственным особым типом полуповторов, в структуре которого можно усмотреть определенное семантическое соотношение, являются образования на *-iêc*, имеющие собирательно-уничжительное значение: *khách khiēc* «всякого рода гости, „гостье“», *vô' viêc* «всякого рода тетради» и т. п.² То обстоятельство, что *-iêc* выступает в роли своеобразного показателя, позволяет отделить начальный согласный слога, который в фонетическом отношении противостоит всей остальной части слога как нетопируемый и независимый от соседних звуков.

О делимости вьетнамского слога на две части — начальный согласный и остальную часть — свидетельствуют и факты арготического словообразования; например, сложное слово *ninh thân* «придворный, льстец» может в арготическом превратиться в *nân thính* в результате перестановки акцентированных частей слога или же в *nân quinh than quinh* в результате аналогичной перестановки с использованием добавочного слога *quan*³.

Итак, характер морфологии вьетнамского языка подтверждает выделение фонетических единиц двух родов: 1) начальных согласных и 2) всей остальной части слога, которая может включать от 1 до 3 звуков, но не делится на семантизованные единицы, соответствующие 1 звуку.

Некоторую сложность с морфологической точки зрения представляет вопрос о неслоговом [ɥ], которое может стоять в позиции перед слогообразующим гласным, например в слове *quan* [kɥan]. При образовании от такого слова удвоений на *-iêc* морфологическая граница может проходить как до [ɥ], так и после него; ср. *chuyên chiêc* и *chuyên chuyêc* «рассказни», причем для современного языка чаще случаи второго рода. Исходя из этого, следовало бы относить этот полугласный к характеристике согласного и говорить о лабиализованных согласных во вьетнамском языке, как это делает Ле Ван Ли. Действительно, наличие [ɥ] не влияет на длительность гласной части слога, даже если там наблюдаются краткие гласные (см. табл. 3). Кроме того, [ɥ] не встречается перед губными гласными заднего ряда, лабиализующими согласный.

Такому толкованию, однако, мешают два обстоятельства. Во-первых, как уже указывалось выше, в образованиях на *-iêc* морфологическая граница может проходить перед [ɥ], и, следовательно, [ɥ] присоединяется к акцентированной части слога. Во-вторых, этот неслоговой звук возможен и в словах без начального согласного: *uê* [ɥe⁵] «грязный», *oanh* [ɥâp¹] «иволга» и т. д. Таким образом, [ɥ] нельзя рассматривать как характеристику начального согласного; этот звук является скорее признаком слога в целом, чем той или иной его части.

Что касается тона, то его следует рассматривать как особую фонетическую единицу. Основанием для этого является также не просто

¹ О типах удвоения во вьетнамском см.: М. В. Е ш е н е а u, указ. соч., стр. 159.

² См. об этом: Lê Văn Ly, указ. соч., стр. 137.

³ Nguyễn Văn Tõ, L'argot annamite de Hanoi, «Études asiatiques», t. II, 1925, стр. 172.

ассоциативный анализ (например, сравнение таких рядов, как *ta* [ta¹] «мы», *tả* [ta²] «косой», *tả* [ta⁴] «левый» и т. д.), а морфологические отношения. При образовании удвоений имеют место определенные типы соотношения тонов: 1-й, 4-й, 5-й тоны в удваиваемом корне соотносятся с 1-м или 5-м, 2-й, 3-й, 6-й тоны — со 2-м или 6-м¹. Что это соотношение не обусловлено механически, видно из возможности любых сочетаний тонов в сложных словах, образуемых путем словосложения. В плане чисто фонетическом независимость тона от конкретных звуков проявляется в том, что его мелодический рисунок и длительность не связаны с звуковым составом слога.

Таким образом, можно сказать, что во вьетнамском языке существуют словоразличительные звуковые противоположения разных уровней автономности: с одной стороны, противоположения начальных согласных, независимых от последующего звука и отделяемых как морфологически (в образованиях на *-iêc*), так и фонетически (своим неучастием в противоположении по тону и длительности) от остальной части слога, и, с другой стороны, противоположения звуков акцентированной части слога, взаимосвязанных фонетически (длительностью и тоном) и неделимых морфологически. Таково же, очевидно, положение в китайском и других языках аналогичного типа². Фонетическая структура вьетнамского как языка слогового строя представляется поэтому принципиально отличной от фонетической структуры флективных и агглютинативных языков, на материале которых была создана теория фонемы.

Использование традиционного определения фонемы как смысло- (или слово-) различительного звукового типа скрывает принципиальное различие фонологических отношений в языках разного строя и, в частности, мешает выявить специфику фонологических отношений во вьетнамском языке. В то же время и термин «слогофонема», предложенный Драгуновым, неточен, так как начальный согласный представляет собой самостоятельную фонетическую единицу, хотя и не образует слога.

Имея в виду установившееся употребление термина «фонема» прежде всего по отношению к флективным языкам, для языков слогового строя следовало бы отказаться от этого термина и обозначать отдельные звуки в них, например, только по их роли в слоге: инициали (начальные согласные), медиали, или предтоналы (промежуточные неслоговые гласные), тоналы (слоγοобразующие гласные), финалы (конечные согласные)³.

При этом следует иметь в виду, что в структурном отношении ближе всего к фонемам флективных языков стоят согласные инициали как единицы, фонетически наиболее автономные и морфологически вычленимые (хотя, очевидно, и не семантизуемые). Как инициали, так и звуки акцентированной части слога обладают некоторой вариабельностью — количественной и качественной; однако все их варианты объединяются, занимая одно и то же место в звуковой системе вьетнамского языка (это видно из примеров удвоения, а также закономерностей строения слога).

Можно, разумеется, принять термин «фонема», подразумевая под ним звуковой тип со словоразличительной функцией; тогда этот термин подойдет и к отдельным звукам языков слогового строя (хотя при этом неизбежно возникнут некоторые затруднения, например, при трактовке промежуточного [ц]). Но в таком случае придется, сохраняя термин «фонема» как родовой, предложить какие-то новые, более узкие термины для фонем, несущих разную нагрузку и играющих разную роль в языке.

¹ См. об этом: М. В. Е т е л с а и, указ. соч., стр. 161.

² Это подтверждает, в частности, традиционное деление китайского слога на две части: начальный согласный и окончание, с которым связывается и тон. Выяснение фонетических отношений элементов китайского слога требует специального изучения.

³ Из приведенных терминов часть традиционно используется в китаеведении, другие применены к вьетнамскому языку в работах П. Д. Андреева.